

Глава 18. Послушание

Ночь была глубокой и безмолвной. Давно перевалило за полночь, но Ци Ань так и не смог уснуть.

Подобное случалось с ним крайне редко. Дни его были до отказа заполнены государственными делами, и к вечеру даже он, молодой и полный сил, чувствовал себя изнурённым.

Обычно он засыпал, едва коснувшись подушки, но сегодня сон упрямо не шёл. Император повернул голову и взглянул на того, кто был рядом.

Маленький евнух, как всегда беззаботный, уже давно погрузился в глубокий сон, прислонившись к краю ложа.

Сквозь жёлтый шёлковый полог Ци Ань не мог разглядеть его лица, видел лишь тонкое запястье, просунутое внутрь, которое он сжимал в своей руке.

Император чуть усилил хватку и ощутил, что пальцы в его ладони стали заметно тоньше и источали лёгкую прохладу.

Раньше рука евнуха всегда была горячей, и, держа её, казалось, можно было черпать бесконечное тепло.

Теперь же она была такой же холодной, как и его собственная.

Изначально Ци Ань брал его руку лишь для того, чтобы согреться. Теперь, когда она утратила эту пользу, её следовало бы отбросить в сторону. Но, к собственному удивлению, он вдруг почувствовал, что не хочет этого делать, и смирился с этой бесполезной прохладой.

Погружённый в свои мысли, император перевернулся на бок и принялся рассеянно перебирать чужие пальцы.

Они были тонкими и длинными, словно выточенными из лучшего нефрита, изящными до неземной хрупкости, и лишь лёгкий розовый оттенок на костяшках добавлял им толику человеческого тепла.

Воистину, каждая черта его была совершенна.

Думая об этом, Ци Ань поднял взгляд. Сквозь плотный полог было видно нечётко, но он мог различить худые лопатки и узкие плечи юноши.

Форма евнуха висела на нём мешком. Он так исхудал, что от него остался один скелет, неспособный заполнить собой одежду.

Он действительно сильно похудел.

Сегодня днём Ци Ань сказал ему: «Ты похудел».

Тот ответил, что это из-за болезни, и с преувеличенной благодарностью рассыпался в любезностях за присланного лекаря и дозволение отдохнуть.

Ци Ань молча смотрел на него, думая лишь о том, что за долгое время разлуки тот стал ещё более подобоострастным.

«Как он может быть благодарен? Ведь мы оба прекрасно знаем, кто виноват в случившемся»

«Я всего лишь хотел, чтобы он стал послушнее»

Ци Ань мог закрыть глаза на то, что тот был отпрыском опального чиновника, мог простить и то, что он — фальшивый евнух. Он и так был безмерно снисходителен.

Но мысль о побеге... вот это было уже слишком.

За всю свою жизнь Ци Ань встречал слишком мало забавных вещей. И теперь, когда ему наконец попалась одна, он не хотел её терять. Иначе какой скучной станет жизнь?

Однако он был слишком занят и не имел терпения для долгой и тонкой дрессировки, поэтому выбрал самый простой и грубый способ.

Он всего лишь хотел показать маленькому евнуху, каковы будут последствия непослушания, но не ожидал, что тот окажется таким пугливым и тут же сляжет от болезни.

В тот день, когда Цянь Яо возвращался к себе, он был сам не свой, и Ци Ань уже тогда почувствовал неладное. Как и ожидалось, на следующий день он не явился. Мо Цунь доложил, что главный евнух сообщил о внезапной болезни Цянь Яо.

Император в тот момент как раз закончил омовение и готовился ко сну. Он взглянул на постель, уже приготовленную для ночёвки маленького евнуха у края его ложа, и произнёс:

— Убрать.

Едва прозвучали его слова, как постель была убрана.

Ци Ань лёг, как обычно, и левая рука его по привычке потянулась к краю кровати, но наткнулась на пустоту.

«Ах да, он же болен. Как я мог забыть, только что услышав об этом?»

Ци Ань сжал пальцы в кулак и убрал руку.

— Прикажи лекарю осмотреть его, — вдруг сказал он после недолгого молчания.

Он не назвал имени, но снаружи тут же раздался ответ:

— Слушаюсь.

В ту ночь Ци Ань спал плохо, а на следующий день, разбирая доклады, был раздражён.

Подносивший ему чай слуга оказался ещё более неуклюжим, чем Цянь Яо, и обжёг императора так, что тот не смог пить.

Ци Ань с грохотом опустил чашку. Слуга тут же рухнул на колени и принялся отточенно каяться в своей вине.

Император опустил взгляд. Голова евнуха была прижата к полу в безупречном поклоне, он не смел даже поднять глаз.

«Что ж, осмеливался исподтишка разглядывать меня только один Цянь Яо, самонадеянно полагая, что этого никто не замечает»

Мо Цунь вовремя подал новую чашку и знаком велел провинившемуся удалиться.

Поднося чай, он доложил:

— Лекарь говорит, что Цянь Яо перенёс сильный испуг. Ему уже прописали лекарства.

Ци Ань ничего не ответил, лишь взял чашку и отпил. Температура была в самый раз.

«Кто его спрашивал?» — подумал император, считая, что Мо Цунь становится слишком болтлив, но не стал его прерывать.

Управляющий продолжил:

— Но... его соседи по комнате говорят, что он почему-то перестал есть мясо. От одного запаха его тошнит.

Государь по-прежнему молчал. Он поставил чашку и снова углубился в указы.

Однако Мо Цунь продолжал стоять рядом, словно ожидая распоряжений.

— И об этом ты тоже пришёл спрашивать меня? — Ци Ань чувствовал, что тот становится всё бестолковее. — Раз не может есть, впредь присылайте ему вегетарианскую пищу.

Только тогда управляющий, кажется, понял, что делать, и поспешно поклонился:

— Слушаюсь.

Ци Ань покачал головой. А ведь он был о Цянь Яо лучшего мнения. Внук старого наставника Цяня, а такой трусливый.

Всего лишь немного припугнул, а он и заболел, и привередничает. Какой ещё евнух был столь же изнежен?

Император думал, что тот проболит несколько дней, но не ожидал, что болезнь так затянется.

Она тянулась так долго, что, когда он снова увидел его, ему показалось, будто прошла целая вечность.

Маленький евнух, похоже, был до смерти напуган. Вернувшись, он стал до неприличия послушным, больше не глазел по сторонам, как раньше, а лишь молча стоял в углу.

Ци Аню стало любопытно, о чём он думает, но, прислушавшись, он не уловил ничего, кроме тишины.

Раньше его мысли всегда были шумным, беспорядочным потоком.

Эта внезапная тишина оказалась даже какой-то непривычной.

Позже, ложась спать, Ци Ань притворился спящим, надеясь, что маленький евнух ослабит бдительность, и он сможет снова его подслушать. Но по-прежнему была лишь тишина.

«Исчезли непонятные ему „процветание“ и „демократия“, исчезли непристойные истории из книжек, исчезли вопросы о том, не „отрезанный ли он рукав“, исчезли мысли о побеге...»

Всё стихло.

Это было так...

Ци Ань и сам не знал, рад он этому или нет. Он просто продолжал перебирать пальцы евнуха.

Тот сильно похудел, кости выпирали, царапая ладонь.

Неведомо почему, император впервые ощутил, что, возможно, зашёл слишком далеко.

Но зато тот стал послушным. А это хорошо.

Пока он будет послушным, Ци Ань может ни о чём не спрашивать.

Хотя Цянь Яо приходилось каждую ночь дежурить у ложа императора, дел у него стало меньше.

Раньше нужно было каждый день подавать чай, иногда прислуживать в купальне, исполнять внезапные прихоти Его Величества по смене нарядов.

Теперь ничего этого не требовалось. Он должен был лишь каждый вечер приходить в спальню и послушно отдавать свою руку псу-императору, чтобы тот держал её всю ночь.

И пусть ночью он спал плохо, зато днём мог отоспаться.

Постепенно Цянь Яо привык к такой жизни и даже начал находить в ней некое подобие комфорта.

В этот день он проснулся уже в полдень. Едва он умылся, как увидел Сяо Суйцзы, принёсшего ему еду.

Теперь еду ему приносил только он.

Цянь Яо был рад этому, потому что еды в коробочке с каждым разом становилось всё больше. Он один не мог всё съесть и делился с Сяо Суйцзы.

Сегодня они, как обычно, сели вместе и разделили трапезу. Еды было так много, что они даже оставили немного для Сяо Фуцзы и Сяо Цюаньцзы.

Хотя благодаря доставке еды они теперь виделись каждый день, Сяо Суйцзы не мог оставаться надолго и после еды должен был уходить.

Цянь Яо хотел его проводить, но тот вдруг схватил его за руку и вложил в ладонь записку.

Юноша, конечно, догадался, что это, и тут же сжал пальцы. Лишь когда Сяо Суйцзы ушёл, он развернул бумажку.

[В час Мао, в Павильоне, где слушают бамбук]

Прочитав, Цянь Яо немедленно опустил записку в чашку с водой и дождался, пока чернила расплывутся до неузнаваемости. Только после этого он вышел и вылил содержимое в помойное ведро.

Но даже будучи уверенным, что не оставил никаких улик, его сердце продолжало бешено колотиться.

Он прекрасно знал, зачем его зовёт Лу Яньчжоу.

«Боже, я схожу с ума»

«Бежать или не бежать?»

Конечно, он хотел покинуть это место. Он был ходячей бомбой и не знал, когда она взорвётся.

Но если бежать... что, если побег провалится? Их обоих бросят в Тёмную тюрьму.

При воспоминании о Тёмной тюрьме перед глазами Цянь Яо снова встала та ужасная картина.

Его сердце словно разрывали на две части, таща в противоположные стороны.

Из-за этих мыслей юноша весь день был рассеян.

Вечером, идя на ночное дежурство, он дрожал от страха. Сон не шёл, но, чтобы его не заподозрили, он прислонился к краю кровати и притворился спящим.

Вскоре наступил час Мао. Мо Цунь, как обычно, пришёл будить императора.

Когда государь проснётся, Цянь Яо сможет уйти.

Он вышел на улицу. Небо было ещё тёмным. Цянь Яо не представлял, как Лу Яньчжоу удаётся так рано проникать во дворец, но сейчас, когда он каждую ночь дежурил, было самое подходящее время для встречи.

Собравшись с духом, Цянь Яо направился к Павильону, где слушают бамбук.

Он уже бывал здесь, поэтому страха первой встречи не было. Он уверенно вошёл внутрь.

Там его уже ждал Лу Яньчжоу.

Увидев юношу, тот шагнул навстречу и тут же заметил, как он похудел.

— Сяо Суйцзы говорил, ты долго болел.

— Да, простудился немного.

— Теперь всё хорошо?

— Уже совсем здоров.

— Это хорошо, — сказал Лу Яньчжоу и протянул руку, словно хотел коснуться его.

Но, не дотронувшись, он вдруг отдернул руку и, приняв серьёзный вид, сказал:

— А Яо, я всё спланировал. Это произойдёт во время Весенней охоты.

— Весенней охоты?

— Да.

Значит, осталось всего три с небольшим месяца.

Вроде бы достаточно, но в то же время казалось, что времени в обрез.

— Что-то не так? Ты беспокоишься? — Лу Яньчжоу заметил его колебания.

Перед ним не было смысла скрывать свои чувства, и Цянь Яо кивнул.

— А Яо, сопровождать государя — всё равно что жить рядом с тигром. Ты уже наверняка

познал жестокость нынешнего императора. Сейчас, пока он ещё не набрал наложниц, всё не так страшно. Но что будет, когда его гарем пополнится, и он узнает, что ты — фальшивый евнух? С его нравом, он замучает тебя до смерти. Ты можешь поручиться, что никто никогда не раскроет твою тайну?

Слова Лу Яньчжоу мгновенно вернули Цянь Яо в тот день в Тёмной тюрьме.

Осознав, о чём он думает, Цянь Яо невольно содрогнулся и спросил:

— Тёмная тюрьма... ты знаешь о ней?

— Знаю. Это владения Отдела Холодного Клинка. Почему ты вдруг спросил?

— Кого там держат?

— Государственных преступников. Или тех, кого император приказал пытаться для собственного удовольствия. Откуда ты знаешь об этом месте?

— Я... — Цянь Яо не знал, стоит ли говорить. Поколебавшись, он ответил уклончиво: — Я однажды был там с Его Величеством. Видел человека, потерявшего всякий облик, который всё время повторял: «Я был неправ».

Собеседник, услышав это, что-то вспомнил, и лицо его мгновенно похолодело.

— Этот человек, возможно, связан с покушением на императора.

— С покушением? — Цянь Яо тут же вспомнил ранение государя на охоте. — Это тот самый убийца?

— Убийца? — Лу Яньчжоу горько усмехнулся. — Не было никакого убийцы. Это был лишь предлог, чтобы избавиться от неудобных. Канцлер в своё время считал его слишком жестоким и не одобрял его восшествия на престол.

Цянь Яо почувствовал, что в голове его что-то начинает складываться в единую картину, но пока ещё смутно.

Лу Яньчжоу не стал вдаваться в подробности. Он лишь сказал:

— Поверь мне. Я инсценирую твою смерть и выведу тебя отсюда. Как только мы покинем дворец, мы сможем начать всё сначала. А Яо, я сделаю так, что ты снова будешь жить беззаботно и счастливо, как раньше.

Слова друга снова поколебали его, и в конце концов Цянь Яо кивнул.

Да, Лу Яньчжоу прав. Он не мог гарантировать, что его тайна не раскроется. К тому же, он не хотел провести здесь всю жизнь.

Приняв решение, он почувствовал, как ушла мучительная неопределённость. Но вместо этого его начали преследовать кошмары.

Во сне он снова и снова видел сцены из Тёмной тюрьмы.

Каждый раз он просыпался в холодном поту и долго не мог прийти в себя.

«Ещё три месяца, — в который раз повторял он себе. — Нужно потерпеть ещё три месяца»

Ци Ань отложил киноварную кисть.

Он целый день разбирал доклады и сильно устал. Взяв чашку, он отпил глоток чая и бросил взгляд за окно.

Он хотел просто посмотреть на пейзаж, но взгляд его почему-то сместился и остановился на Цянь Яо, который застыл в задумчивости под птичьей клеткой.

Опять замечтался.

Все, кто был рядом с ним, ежесекундно следили за каждым его движением, и только этот маленький евнух позволял себе так витать в облаках, совершенно не усердствуя в службе.

Но Ци Аня это не раздражало. Наоборот, он почувствовал укол странной радости.

В последнее время евнух был слишком послушен, и эта его привычка мечтать наяву, казалось, осталась единственным, что связывало его с прежним собой.

Интересно, о чём он опять думает? Императору стало любопытно, но он не стал прислушиваться к его мыслям. Последние несколько раз он всё равно ничего не слышал, только зря тратил свои силы.

— Подойди.

Едва прозвучал голос императора, как маленький евнух очнулся и поспешно подошёл.

Ци Ань взял пирожное и поднёс к его губам.

Юноша послушно наклонился и откусил.

Ци Аню нравилось наблюдать, как он ест. Послушный, тихий — он напоминал ему кошку, которую держал его седьмой брат.

Если бы он всегда был таким.

Но сегодня Цянь Яо почему-то ел очень рассеянно, и его язык несколько раз коснулся пальцев императора.

Будь на его месте кто-то другой, Ци Ань давно приказал бы отрезать ему язык, но прикосновения Цянь Яо не вызывали отвращения.

Лишь показались странными. Раньше, когда император намеренно дразнил его, Цянь Яо, доедая, тоже касался его пальцев, но делал это лишь в самом конце, вынужденно, едва-едва, чтобы забрать последний кусочек.

А сегодня...

Неизвестно почему, хотя последние несколько попыток подслушать его мысли провалились, сегодня Ци Аню показалось, что он сможет что-то услышать.

Продолжая кормить Цянь Яо, он поднял правую руку и легонько прижал пальцы к виску.

Цянь Яо откусил ещё кусочек пирожного.

«Я совсем не голоден, но отказаться от угощения пса-императора не смею»

Он послушно ел.

«Непонятно, что за извращённое удовольствие находит этот собачий император в том, чтобы кормить меня с рук»

Раньше Цянь Яо был бы рад, но теперь, когда ему не приходилось больше есть одну репу да

капусту, и к тому же с тяжёлым сердцем, еда в горло не лезла.

Он очень хотел, чтобы государь перестал его кормить, но сказать об этом не решался. К тому же, сегодня он отчётливо чувствовал, что с тем что-то не так.

Обычно император ограничивался парой-тройкой пирожных, но сегодня он скармливал ему одно за другим, будто намеревался опустошить всё блюдо.

После десятого пирожного Цянь Яо понял, что больше не может. Сухая выпечка застряла в горле, он едва мог дышать.

Но Ци Ань взял одиннадцатый кусок.

— Ваше Величество... — прошептал Цянь Яо, чувствуя, как от удушья на глаза наворачиваются слёзы. — Я больше не могу.

Однако человек перед ним, казалось, не слышал. Он всё так же держал пирожное у его рта, легонько надавливая на губы.

— Открой рот.

Цянь Яо попытался подчиниться, но съеденное ещё не протолкнулось в желудок, и он боялся, что, открыв рот, его тут же стошнит.

— Ваше Величество...

Он хотел было взмолиться ещё раз, но, подняв глаза, увидел, что государь смотрит на него с ледяным, бесстрастным выражением.

— Опять ослушался, да?

<http://bllate.org/book/15347/1417406>